

СО-БЫТИЕ. ДНЕВНИК МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

(ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ)

ПАВЕЛ ПОНОМАРЕВ
Родился в 1997 году в городе Лебедяни Липецкой области. Аспирант факультета журналистики Воронежского государственного университета. Участник зимней Школы поэзии при XI Международном фестивале искусств

в Сочи, Всероссийского совещания молодых литераторов СП России в Химках, Всероссийской школы писательского мастерства в ЦФО России. Лауреат литературной премии «Справедливой России» «В поисках правды и справедливости», воронежской литературной

премии «Нольцовский край». Публиковался в газете «Литературная Россия», сетевом издании «Горный Медиа», сетевых журналах «Формаслов», «Литература», журнале «Подъем» и др. Автор книги «Со-бытие. Дневник молодого человека» (2020).

Из тверских дневников (дневник первый)

*Тверь, 15 июля 2017 года (год смерти Евтушенко).
Памятник шестидесятиникам*

Первый всероссийский слет молодых поэтов «Зеленый листок» в Твери. Организатор – тверской Дом поэзии (единственный в России) и его художественный руководитель – Андрей Дементьев.

В журнале «Юность», редактором которого был Андрей Дмитриевич в восьмидесятых, существовала рубрика с таким названием – «Зеленый листок». В ней выходили первые поэтические подборки молодых авторов (молодо-зелено) – трамплин для прыжка в большую литературу.

15 июля 2017-го произошло что-то похожее на второе явление «Зеленого листка». Два десятка молодых авторов. География участников – от Выборга до Алтайского края. Мастера: главред «Литературной газеты» Юрий Поляков, литературовед Павел Басинский, поэт Юрий Кублановский...

Вечером, гуляя по Твери (официальная программа на тот день завершилась, и мы, участники, открыли нашей прогулкой «неофициальную часть»), остановились у памятника шестидесятиникам в виде полки с книгами. На корешках имена: Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава. И еще один Андрей. Чья книга – «Юность». Архитектор – Зураб Церетели. (Памятник открыт у Дома поэзии год назад – 16 июля 2016-го.)

Декламируем свои стихи – друг перед другом, подсознательно пытаюсь быть похожими на *них*. Поем «Со мною вот что происходит», «Последний троллейбус», «Мгновения»... И в это время навстречу нам – Андрей Дмитриевич с женой, Анной Давыдовой.

В прогулочной ветровке, в рубашке с расстегнутым воротником Дементьев гуляет по городу юности. Расступаемся – проходит к памятнику, облакачивается на ограду.

– Как грустно, ребята, что нет сейчас рядом моих друзей, – тянет руку к памятнику, – Роберта, Беллы, Андрея, Булата... Жени, Володи... Если бы они видели, что творится у нас в Твери!..

Стою в паре метров от Андрея Дмитриевича, также опершись на ограду, вижу его влюбленно-вдохновенные глаза – горевшие, когда мы читали свои стихи. Горевшие, когда мы слушали его:

*Мы – скаковые лошади азарта.
На нас еще немало ставят карт.
И, может быть,
Мы тяжело рухнем завтра.
Но это завтра.
А сейчас – азарт.*

Рука движется вверх, к памятнику, замирает на высоте и с этой высоты обнимает нас. Кажется, нет этого полувека, отделяющего нас от них. Кажется, они сейчас здесь, среди нас – молодые, влюбленные, смелые. А они – это мы. И молодой Дементьев среди нас – здесь и сейчас: читает с нами свои стихи.

Кажется, так будет всегда.

*Тверь, 16 июля 2017 года.
Тверской академический театр драмы*

Второй раз вне пространства и времени я почувствовал себя вечером следующего дня.

Я сидел на концерте по случаю дня рождения Андрея Дмитриевича. На сцене Валентина Бирюкова пела «Балладу о матери», а рядом в кресле был автор строк:

*– Алексей, Алешенька! Сынок! –
Словно сын ее услышать мог.*

Плакал – как плакал сорок лет назад мой прадед-фронтовик, слушая эту песню по радио.

В гостиницу нас развозили на нескольких машинах. Вышло так, что я и пара наших ребят оказались в автомобиле, перевозившем букеты, подаренные на концерте Дементьеву. Салон был усыпан цветами. В голову закралась шальная мысль – нагло, но робко спрашиваю водителя:

– А можно возьму один букет?
– Да бери любой – вон их сколько!

Выбрал лучший и, вбегая в гостиничный номер к понравившейся вчера девушке, пою:

*Я хочу, чтоб жили лебеди
И от белых стай
Мир добрее стал!*

Нечто похожее было в жизни Дементьева, когда на концерт к Галине Вишневской тот пришел без букета, надеясь «отделаться» стихами. Увидев, однако, что все гости были с цветами, он, недолго думая, выбрал из оставленных за кулисами букетов лучший – белые розы с одной красной в центре. Красную выбросил, а букет – в улученный нужный момент – преподнес приме.

Как выяснилось потом, букет принадлежал Майе Плисецкой.

* * *

Осенью 2017-го мой друг и земляк, студент Елецкого университета Слава Червяков попал на XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Сочи. После лекции Андрея Дмитриевича, бывшего одним из спикеров фестиваля, Слава подошел к поэту пообщаться. Спросив, помнит ли тот Пономарева из Лебедяни, получил положительный ответ.

– А подпишете для него открытку?

«Дорогому Павлу Пономареву сердечно. А. Дементьев».

Открытку в качестве новогоднего подарка я получил от Славы уже в Лебедяни, когда мы оба приехали домой на зимние праздники.

Представляю, как грядущим летом, с этой открыткой, снова еду в Тверь – поздравлять Андрея Дмитриевича с юбилеем и вместе читать стихи.

Мечтатель...

Из тверских дневников (дневник второй)

16 июля 2018 года в Твери должен был быть грандиозный – 90-летний – юбилей Андрея Дмитриевича Дементьева. И он был – правда, без юбиляра. Потому что за двадцать дней до этого Андрея Дмитриевича не стало.

На прощание с ним, которое прошло 29 июня 2018 года в московском Концертном зале имени Чайковского, я не попал.

В Воронеж приехала Полина Корицкая, творческий вечер которой в этот день (так совпало) мы подготовили в Кубаневке.

После удавшегося вечера все вместе поехали ко мне, где на время пребывания в Воронеже остановилась Полина.

В этот день по стране (Воронеж не был исключением) гремели выпускные вечера, и теперь уже бывшие разодетые и развязные школьники сотрясали разрезанный июньский воздух.

Будет гроза.

Забравшись гудящей, неуправляемой, но безобидной, фонтанирующей стихами, молодостью и милыми глупостями толпой в мою однушку, мы завершали этот день.

За распахнутым балконом грохочут выпускные салюты и грозовые раскаты.

Вскрываем на вдруг расширившейся и опустевшей без стульев, перенесенных в большую комнату, кухне мои – наши – запасы: банки с домашними заготовками.

А те, кому стульев не хватило, расположились прямо на полу, на ковре – в тесноте, да не в обиде.

И в этой, кажется, всеобщей радости в пределах одной квартиры я, упершись локтем в письменный стол, смотрю в своем смартфоне видеозапись прощания с Дементьевым. Ребята не слышат звук этого видео. Да и не могут услышать – сижу в наушниках. Из которых доносится еле уловимая теперь интонация когда-то «от Ангары до Гудзона торжествующего баса Кобзона» (так, кажется, написал в своей книге воспоминаний поэт-песенник Николай Добронравов).

Меня, обособившегося от этого всеобщего «мы», бьют слова, сказанные на гражданской панихиде:

– Но мы надеемся продолжить нашу жизнь с тобой в другом измерении.

Охрипший баритон, сдавленный болью, болезнью и временем, срывается возле белого гроба, алых роз и траурных часовых. Почти безжизненный, отпущенный взгляд. Левая рука опирается на микрофонную стойку, в правой сжат платок:

– Прости нас.

Обессилен от невидимой, но продолжающейся каждое мгновение борьбы, Иосиф Кобзон простился с другом – поэтом Андреем Дементьевым.

За окном в Воронеже – гроза.

Тверь, 19 июля 2018 года.

Общежитие института усовершенствования учителей

Там, на прощании, были мои друзья, с которыми теперь, поздним тверским вечером, сижу в комнате общежития.

Это они рассказали мне, как прощались с поэтом его друзья, – завтра все они будут здесь, в Твери, на юбилейном концерте Дементьева.

Сережа Петров, мой одноклассник, студент Литературного института, вспомнил, как пришел в тот день в зал Чайковского. Как снисходительно посмотрел караульный у входа: проходи, мол, молодой – тут твоих много. И действительно – были там ребята, молодые и талантливые, делавшие первые шаги в литературе.

Однажды Андрей Дементьев помог этим ребятам.

Однажды – например, год назад, когда собрал их – нас – в Твери. На своей малой родине. На первом всероссийском слете молодых поэтов «Зеленый листок».

Ровно год назад, почти в том же составе, мы сидели в этой же комнате, в этом же общежитии, в этом же городе: пели, читали, любили.

Прошел год.

Я снова в Твери. Разговариваю по телефону в коридоре общежития – подальше от шумной толпы:

– Да, я смогу завтра выступить.

Это звонили из Дома поэзии. Там тоже не спят. Готовятся к завтрашнему концерту, который называется «И все-таки жизнь прекрасна!».

Тверь, 20 июля 2018 года.

Дом поэзии

Андрей Дмитриевич Дементьев ждал – и этот слет, и этот концерт.

Света Леонова, которая работает в Доме поэзии, рассказывала вчера, на посиделках в общежитии:

– Он недавно... еще до того, как попал в больницу... собрал всех нас, организаторов... в Доме. И сказал почему-то: «Если случится так, что проводить будете без меня... и в этот день по прогнозу передадут дождь... а дождя не будет... значит, я вам помогаю».

В этот день, 20 июля 2018-го, по окраинам Твери прошла гроза.

А у Дома поэзии несколько раз занимался дождь – теплый, летний, легкий. И солнечные лучи спускались по тучам на землю. Минут за пятнадцать до начала пошел ливень. Разом все облачились в дождевики, которые раздавали в Доме поэзии.

Дождевики не помогли – пригласили в Дом.

Праздник под открытым небом под угрозой.

– Будем проводить на улице. – Вдова Анна Давыдовна решительна и непреклонна. – Андрюша хотел так. Ровно в три дождь прекратится.

Так и случилось – ровно в 15:00 небо просветлело.

Потом мне рассказывали, что существует такая традиция: в дни июльских праздников, которые ежегодно проходили в Доме поэзии, ждать в Твери дождь.

Каждый раз он приходил, но к гостям был благосклонен.

Лучи припекали, слизывая влагу с моего насквозь промокшего пиджака.

Андрей Дементьев, готовясь к своему юбилейному концерту, не знал, что этот концерт пройдет без него.

И я до последнего сомневался: ехать ли?

С одной стороны, однодневное пребывание в чужой Москве и бессонная ночь то ли на Курском, то ли на Павелецком, – еще не решил, как (а главное, куда – то ли в родительский дом в Лебедев, то ли на учебу в Воронеж) возвращаться.

С другой стороны – еще раз прикосновение к уходящему времени.

Однажды я прикоснулся к нему, когда в июле 2017-го пожал его теплую руку в Твери – в Доме поэзии.

С тех пор длится этот диалог – диалог со временем.

Вера Николаевна Муромцева-Булгина озаглавила свою книгу воспоминаний о Яне (так она звала супруга, «потому что ни одна женщина его так не называла...») «Беседы с памятью».

Садясь за рабочий стол, я каждый вечер веду эти беседы.

Передо мной – только чистый лист.

Счастье видеть этот лист.

Вести эти беседы.

* * *

Я в Москве – схожу на перрон Казанского вокзала.

А вот она – моя одноклассница. Теперь студентка Российского химико-технологического университета имени Менделеева. Почти москвичка (живет у тети на квартире, на северо-западе столицы).

Вчера, узнав, что в Москве меня ждет пригласительный билет на две персоны в Кремлевский дворец, позвал ее – подбил прогулять пары.

Сегодня она встречает меня на вокзале.

Едем на Красную площадь.

На Никольской улице заходим в какую-то вареничную, стилизованную под квартиру советских времен – с магнитофоном, пластинками, плакатами...

По телевизору, висящему на стене, – «Любовь и голуби»; из музыкальных колонок поют Антонов, Боярский...

– Тебе надо на «Угадай мелодию» – каждую песню узнаешь! – удивляется она моей способности схватывать слова песни по первым нотам.

– Не каждую – только советскую, – шучу, но доля правды в этой шутке преобладающая.

– Пойдем в Исторический музей? – предлагает она мне.

По дороге просит сфотографировать ее на Красной площади – рядом с памятником Жукову.

– Живешь в Москве четвертый год – неужели ни одной фотографии на фоне Кремля нет?

– Ни одной! – смеется и протягивает мне свой Polaroid, из которого через мгновение выглянет ее улыбка в каштановых локонах.

В Историческом музее выставка, посвященная Николаю II и его семье. На одной из экспозиций бросается в глаза дневниковая запись наследника престола цесаревича Николая Александровича – о предложении руки и сердца «дорогой Алике» (будущей императрице Александре Федоровне). За ровными каллиграфическими буквами – трепет и восхищение любимой девушкой.

Разбираю эту интимную, некогда скромную, теперь – историческую запись. Перьевой ручкой написано. Чернильный след пера не спутаю с другим. Этот сувенир она подарила мне на минувший день рождения.

– Пишешь моим подарком? – спрашивает.

- Тебе дошло мое последнее письмо? Вот твоим подарком и написано. Подарок ее – перьевая ручка – со мной, во внутреннем кармане пиджака.
- Можно я зайду за открытками? – спрашивает меня, и я ощущаю, что невольное – непонятно, чем, – подчиняю ее своей воле. Но ощущение это – блаженство, и я, грешный, пытаюсь продлить его, отвечая снисходительным тоном:
- Можно, только по-быстрому. И насладившись, тотчас пытаюсь оправдать свою слабость, ухаживая за ней – подавая пальто, удерживая двери, укрывая от ветра...
- Эти открытки с видами Москвы она покупает здесь периодически, чтобы потом отправить по почте за границу. Зная адрес, но не зная адресата. В редких случаях приходит ответ: та же открытка, только вместо Москвы – Лос-Анджелес или Лондон. Там, на другой стороне земного шара, есть такой же человек, который так же готов дарить радость – неизвестно кому и заведомо зная, что радость остается безответной.

* * *

У касс Кремлевского дворца ждем, когда подойдут еще двое – вернее, четверо (у каждого пригласительный билет на двоих). Тоже участники фестиваля в Твери. Кто-то за нас замолвил – кто-то сделал нам этот подарок.

Встретившись, продвигаемся к турникетам, через Кутафью башню и Троицкий мост. Военные с металлоискателями контролируют вошедших. Очередь доходит до меня. Кладу сумку на конвейер багажного сканера, сам прохожу вперед. Контролирующий лейтенант спокойным тоном спрашивает:

- Ножичек в сумочке имеется?

Смысла отрицать нет – на мониторе просвечивается все содержимое моего маленького багажа. В том числе складной ножик для бумаг – дедовский «раритет». Вскрываю им конверты писем, а в дорогу беру для бытовых нужд. Навивный – не сообразил, что в дорогу в Кремль лучше такой «раритет» не брать.

Благо лейтенант эту мою «особенность» воспринял адекватно: проинструктировал, куда нужно пройти и кому нужно отдать.

Спускаюсь к камере хранения под Кутафью башню. У окошка в кремлевской стене встречает женщина восточной внешности и на пальцах (по-русски говорит с трудом) объясняет, что не может принять «раритет»:

- Шестая пункта читай!
- Какой шестой пункт?

Показывает рукой на стену, где, по логике, должна висеть инструкция по сдаче вещей в камеру хранения. Но там ничего не висит. Времени разбираться нет – концерт вот-вот начнется, а мне еще в очереди перед контрольно-пропускным пунктом заново стоять. Подхожу к караульному, объясняю ситуацию – мол, так и так: не принимают. Что делать?

- Можете выбросить в урну – вон там, рядом с башней.
- Может, я вам отдам – покараулите? А после концерта заберу.

Смеяться ему на посту не положено, поэтому пересиливает себя и пытается отвечать с невозмутимой интонацией:

- Лучше в урну. А то мы сменяемся каждые полчаса.

Так сложилась судьба «раритета», пять лет, с девятого класса школы, служившего мне – в память о деде.

Как теперь он, мой «раритет», там – в кремлевской урне?..

Места наши в середине партера, восемнадцатый ряд. Лучшего вида на сцену не представить. За спинами – камера с оператором (концерт запи-

сывает Первый канал). До начала еще полчаса. Есть время для «акклиматизации».

К слову, ни она, ни я ни разу не были в Кремлевском дворце.

– А я думала, что она больше, – говорит мне про сцену, – по телевизору всегда такая внушительная. А на самом деле компактная.

Сцена повторяет оформление пятилетней давности – тогда, на 85-летие Андрея Дмитриевича, здесь все было так же: теплые нежные цвета, имитация перил и лестницы, упирающейся в кулисы, – оттуда сходили «звезды», чтобы поздравить своего друга, коллегу, наставника и спеть в его честь его же стихами.

Сегодня все будет так же. Разве что голос, который семнадцать последних лет, с 2001 года, вел на «Радио России» программу «Вирази времени», – тот самый голос, голос Андрея Дементьева, читающего «Мое поколение», – будет звучать в записи:

*...И поколения такого
Случиться не может вдруг.
Но мы оставляем повод
Вспомнить наш звездный труд.
<...>
Мы – поколение совести,
Сломившее смерть и страх.
И нет печальнее повести,
Чем повесть о фронтовиках.*

Но теперь – разве что только голос.

Получается, «Вирази времени» – это семнадцать мгновений нового века. И концерт, кстати, тоже называется «Вирази времени».

Как же резко ты, время, выписало свой последний вираж... Так резко, что не успел я заметить, как и когда ты на нем пролетело.

И Евгений Евтушенко из города Талсы штата Оклахома читает с экрана на сцене Кремлевского дворца посвящение Андрею Дементьеву: все так же, так же... Разве что не в прямом эфире, а в записи.

А может, время, ты вернулось на свой изначальный вираж?

Выходит на сцену актер Дмитрий Харатьян и читает стихи Андрея Дмитриевича «Все будет так же после нас». И машинально ошибается в первой строчке: «Все будет так же *на Земле...*»

И кто-то по левую руку от меня – нет, не она – кладет мне на спину знакомую ладонь: невидимую, но теплую, уходящую на новый, отныне не достигаемый нами вираж.

А она сидит слева от меня и – тоже невидимо (но я-то вижу) – плачет.

Закончится концерт уже без нас: в середине второго акта мы спустимся в гардероб, покинем Дворец и направимся к метро – автобус до Лебедяни уходит с Павелецкого вокзала через час.

Александровский сад в преддекабрьских сумерках и чуть уловимых осенних прелях горд в своем столичном ночном одиночестве; только местами мелькнут похожие на нас пары.

Ветки метрополитена разнимут нас: она едет в свою (точнее, тетину) квартиру, я – на вокзал.

И не будет больше ничего, кроме переписки в соцсетях, планирований новых встреч (теперь уже, наверное, в Лебедяни) и – памяти.

Памяти об этом дне 15 ноября 2018 года и о том, что было до – год назад, два, три...

Пять.

Из последнего дневника

В хрипоте автобусного мотора растворяется голос «Дорожного радио», оттягивающий согласные:

– Я канн-н-нешна вер-рнус... Весь в друзьях-х и в делах...

Звук то пропадает, то появляется. Через несколько минут, когда Воронеж останется на начинающем проявляться из утреннего сумрака горизонте, звук пропадет совсем.

На горизонте поселковые дома, придорожные посадки, блестящие почками, которые рванут со дня на день, на горизонте – напившаяся после зимы земля.

9 Мая напоенная после распаренного митинга грозой вечерняя Лебедянь уронит с липы листок. Под липой будет сидеть она, и листок упадет на ее еще не тронутые колени.

И вдруг листок увидит, опережая время, все то, чего никто на земле еще не знает.

Он увидит, как я пойду, освещаемый вспышками салюта и благодарный прадеду, отцу и маме, Николаю Ивановичу Пашинцеву, Геннадию Алексеевичу Липатникову, Васе Нацентову, Сереге Рыбкину, другим – всем, всем, из кого собрался я по частице, – за этот день 9 мая 2019 года. И – за нее в этот день. Со мной.

Он увидит, как спустя три дня она промочит свои балетки под дождем, продавившим мой зонтик, под которым по неосвященной слепой дороге мы пойдем по улице моего детства, мимо родового краснокирпичного дома с балкончиком на первом этаже – теперь не нашего; по диагонали, мимо второго краснокирпичного дома – тоже уже не нашего. И я буду рассказывать ей, как жили здесь мои бабушка и дедушка; как по той стороне улицы, мимо дома напротив, с зелеными наличниками, некогда шли Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна Булгаковы; как еще раньше прадед – тринадцатилетний мальчик – носил свои стихи в дом, что ниже по улице – к Замятиным («Оцените, Евгений Иванович! Отец сказал, вы домой приехали, и я – сразу к вам»).

И мне подумается тогда, что так должно было быть; что мне, молодому человеку с не-со-временной душой, очень нужны были дед и бабушка; что потерять их в пятнадцать лет было до крайности несправедливо.

И тогда случатся в моей жизни Рита Николаевна и Лев Ефремович.

«Вот сейчас нет и его, – подумается мне. – Но ты сейчас рядом – и как ты нужна мне! Милая, хорошая, родная. Так похожая не на это не-со-вместимое со мной сегодня, но на вчера – придуманное, помечтанное и вдруг ставшее».

Он увидит, как еще через три недели, 30 мая, я буду отрывать от своего тела оранжевую рубашку-поло, прилипшую к потной спине и груди, поднося к своему лицу и вдыхая запах ее рук.

Рук, которые завтра (он это тоже увидит) в ее побеленном подъезде (оттого наши спины как в дурацкой первоапрельской шутке) я сожму до хруста, сказав: – Не отдам.

И – попросив еще одну встречу.

Решающую – когда в голове будет играть мелодия Таривердиева и меня в опускающейся мгле прошибет озноб на лукавом первоиюньском ветру. Озноб – не от ветра, а оттого, что она скажет слова, которым я молился и не верил шесть лет – с десятого класса.

(Такой – я почти убежден – должна быть настоящая вера в Бога.)

Он это увидит.

Он увидит ее другой, не той, как шесть лет назад, а испекшей оладушки, налившей молоко и спросившей:

– Как мы дожили до того, что ты сидишь в моей квартире?

Но и увидит ее все той же – так же, как шесть лет назад, закатывающей глаза цвета тех сережек, подаренных в Воронеже.

Ну да, в Воронеже – теперь в моей квартире, на Бульваре Победы.

И на улице Карла Маркса.

И на диванчике в буфете Камерного театра, где была сделана та фотография: мой желтый в тонкую синюю полоску галстук, ее черный помпончик на босоножке, оторвавшийся позже, и – наши руки. Он увидит их сомкнутыми и заполнившими наконец все пустоты между пальцами.

Он увидит эти руки: ее – вздрогнувшую, мою – еще сильнее сжавшую ее в тот момент, когда ружье на сцене выстрелит. По-настоящему.

Он увидит, как мы пойдем, под впечатлением от премьеры и Камиля Тукаева в главной роли, размахивая этими руками. В них – новая книга, подписанная нам на двоих бабушкой-филологом. (Мы навестим ее здесь, в многоэтажке, зовущейся свечкой, напротив Камерного, – за полчаса до спектакля.)

И я скажу тогда:

– А знаешь, из-за кого на самом деле погиб Мольер?

– Из-за кого? – спросит она и закружится, зажмурится, как будто заговорит сейчас не со мной, а со всем мирозданием (она всегда так делает, когда счастлива).

– Из-за женщины.

И он – оторвавшийся от липы листок – увидит все то, что будет потом.

Увидит, как она не будет хотеть уезжать, но все равно – рано или поздно – уедет.

Увидит, как я все те дни не буду причесываться, бриться, передвигаться по квартире, противясь этому отъезду.

Увидит, как она будет звонить утром, днем, вечером, через час, через полчаса, через десять минут, через пять.

И, когда в полночной, душной (пусть и дверь на балкон открыта), вдруг сделавшейся огромной, хотя и однокомнатной квартире, где на кухне стоят увядшие в термосе ромашки, я буду ей по телефону напевать: «Мы звездная память друг друга», – все равно не приедет.

Нет! Он увидит, увидит, как завтра, когда мы втроем – Рита Николаевна, Наташа, я, – вернувшись с кладбища, будем играть в дурака (семейный ритуал Кройчиков), у меня зазвонит телефон:

– Я сижу у тебя во дворе.

– Где? В каком дворе?

– В твоём дворе – в Воронеже.

И он увидит, как я выбегу во двор, найду ее – в черной короткой юбочке, в босоножках с одним помпончиком, сидящую одну на лавочке. А на соседней будут сидеть девочки-подростки, завидующие пока нашим объятиям, нашим нескромным поцелуям, нашему счастью – счастью двух давно не видевших друг друга людей.

Дождик накрапывает – поверенный счастья. Может быть, все это – только он? Он один все это создал – эту землю, эти города, эти квартиры, этих нас. И все это придумал – только для нас.

Только придумал.

Он увидит, как я приведу ее в квартиру Кройчиков. Он увидит невозмутимое, но радостное – оттого, что мне наконец хорошо, – лицо Риты Николаевны. Он увидит, как Лев Ефремович посмотрит на нас с фотографии, висящей на кухне, – молодой (чуть постарше меня), с шевелюрой смоляных, вздымленных волос, с неистовыми глазами, выточенным подбородком, остроугольный, резкий – все-сильный, все-могущий... Соединяющий нас.

...Из старенького отцовского радио на кухне играет «Ноктюрн».

– Счастливы живи всегда, – поет Магомаев.

Он и эту песню услышит. Он посмотрит в лебедянское пегое небо, когда мы с ней, лежа на траве, будем кормить мороженым с шоколадным соусом ее шестилетнюю племянницу. Принимающую, как вся их семья, меня целиком, со всей худобой, неровностью, инакостью... Ничего легче этой травы, этого неба, этих людей не будет.

А будет третий тверской дневник, еще не опубликованный, – с нею на каждой странице.

А будут автобусы, электрички, Волга, Бежецк (там прадед лечился в госпитале от контузии).

Будет голос, разрывающий поле перед заброшенным храмом:

– Я ничего не боюсь!

Будет самая страшная ночь и самое холодное лето – с нею.

А потом листок, сорвавшийся с липы, засохнет. И донская чайка, для которой свобода – дороже всего, полетит на север. Осень пришла.

Но ничего этого еще не случилось.

Сегодня, 26 апреля 2019 года, в хрипоте автобусного мотора растворяется голос «Дорожного радио», и один из тех четырех-пяти человек, отъехавших в 6:25 от четвертой платформы автовокзала «Воронеж Центральный», – это я. Я еду домой.

